48. [Степанъ, Григорій и Елена Прекрасная].

1. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ—именно въ томъ, въ которомъ мы живёмъ—противъ неба на землѣ, на ровномъ мѣстѣ, какъ на боронѣ, жилъ-былъ старикъ со старухой. У нихъ былъ сынъ; ево звали Алексѣемъ. Когда онъ выросъ, то у ево отецъ померъ. Вотъ онъ матери и сталъ говорить: „Мамонькя, пусти меня, я пойду счасье искать!"—Онъ пошолъ.

Идётъ лѣсомъ. И попадается ему изба новая. Заходитъ онъ въ ету избу и останавливается начевать. Видитъ ночью: выходитъ изъ западни верблюдъ, весь мѣдный; потомъ онъ постоялъ, постоялъ и ушолъ. И черезъ нѣсколько время выходитъ *сохатый*, весь серебреный; этотъ сохатый постоялъ, постоялъ, и ушолъ тожо самоё. Черезъ нѣсколько времени выходитъ медвѣдь, весь золотой; постоялъ, постоялъ, тожо ушолъ.

2. Онъ думаетъ: „што,—говоритъ:—ето мнѣ видѣніе? или на самомъ дѣлѣ счасье моё?"—„Приходитъ домой и говоритъ матерѣ: „Вотъ, мама, я видѣлъ,—говоритъ:—во снѣ такіе-то сны. Первой,—говоритъ:—сонъ: верблюдъ,—говоритъ:—весь мѣдный,— говоритъ. — Второй, — говоритъ: — сонъ: *сохатый* весь серебряный. А третій сонъ видѣлъ: медвѣдь, весь,—говоритъ: — золотой". — Вотъ мать ему и говоритъ: „ну, вѣрно,—говоритъ:—вашъ сонъ обвѣщаетъ ваше богатство".

Отъ нихъ неподалёку въ городѣ жилъ ворожесъ. И вотъ она ево посылаетъ къ ворожцу етому ворожить. Онъ поѣхалъ подъ вечерокъ, и переѣхать не успѣлъ дорогу. И остановился у одной старушки переночевать. Эта старушка старая; у ней внучекъ былъ лѣтъ такъ 13-ти. Внучокъ и говоритъ: „ты,—говоритъ:—куда, молодецъ удалый?"—„Я,—говоритъ:—поѣхалъ ворожить; вотъ такіе-то сны видѣлъ: первый сонъ—верблюдъ весь мѣдный, второй сонъ—*сохатый* весь серебреный, а третій сонъ,—говоритъ:—медвѣдь весь золотой".

Этотъ мальчуганъ ему и говоритъ: „Ты,—говоритъ:—пріѣдёшь ворожить, тебѣ етотъ ворожецъ выворожитъ; и ты ему отдавай,—говоритъ:—первое счасье, а онъ у васъ будетъ просить послѣднее счасье".

3. Вотъ онъ пріѣхалъ къ етому ворожцу. Ворожецъ ему выворожилъ, што „ето,—говоритъ:—твое счасьё! когда пріѣдешь домой, иди въ ету избушку начевать. На́ вотъ, я тебѣ дамъ палочкю—бей етой палочкой на отмашку".

Пріѣхалъ домой и пошолъ онъ ночевать въ ету избушку. Спитъ. И выходитъ первый верблюдъ, весь мѣдной. Понужнулъ онъ ево на отмашку, верблюдъ весь рассыпался. Второй выходитъ *сохатый*; онъ етова понужнулъ, и етотъ рассыпался. Третій входитъ медвѣдь, весь золотой; этотъ медвѣдя понужнулъ, онъ россыпался.

И вотъ, онъ не велѣлъ до нево брать—докуль етотъ ворожецъ не пріѣдетъ къ нему. Ворожецъ къ нему пріѣзжаетъ:—„я тебѣ,—говоритъ:—выворожилъ! сейчасъ,—говоритъ:—мое будетъ третье счастье!"—Степанъ [? Алексѣй] ему говоритъ: „нѣтъ, — говоритъ: — ваше будетъ первое счастье, потомучто вы выворожили".—И тотъ взялъ первое счасье.

4. Поѣхалъ домой и заѣхалъ какъ разъ къ этой старушкѣ. И спрашиваетъ старушку: „Ты,—говоритъ:—што, одна, старушка, живёшь? или сыновья есь?"—„У меня,—говоритъ:—сыновей нѣтъ. Внучокъ,—говоритъ:—есь; ушолъ на рѣку по ниточкѣ *глядѣччя*".—Онъ и спрашиваетъ: „Это што,—говоритъ:—такое—по ниточкѣ въ воду глядѣччя?... Ты, — говоритъ: — продай мнѣ етова внучкя!" — Старушка: „покупи́!" говоритъ.—„А сколь,—говоритъ:—за нево возьмёшь?" — „А вотъ, — говоритъ: — завали всего по ногамъ деньга́ми, тогда я отдамъ ево".

Вотъ онъ ево заваливалъ деньга́ми и завалилъ по грудя́мъ. Онъ и спрашиваетъ: „чё,—говоритъ:—бабушка, будётъ тебѣ етова на́ вѣкъ или нѣтъ?" говоритъ.—„О!—говоритъ:—дитятко, тебѣ—говоритъ:—на́ вѣкъ не прожить! не то ли мнѣ! мнѣ, старушкѣ, много ли надо?"—„Ну,—говоритъ [внучекъ]:—бабушка, сейчасъ до свиданія! Мнѣ съ тобой не видацца: я знаю, што онъ меня далёко увезётъ".

5. Ну, онъ ево увезъ къ себѣ. И спрашиваетъ отца: „куда мы етова мальчика станемъ дѣвать?"—Отецъ говоритъ: „въ ко́нюхи!"—Онъ живётъ въ конюхахъ. Ему пріѣзжаютъ, къ етому ворожцу, ворожить. Онъ [мальчикъ] впередъ имъ разсказываетъ: „дѣлайте такъ-то!" И онъ [ворожецъ] узналъ, что ему доходу мало черезъ етово маль-

чика. Тогда онъ отцу сталъ жаловатца, что черезъ етова мальчика ему доходу нѣтъ.

Тогда онъ велѣлъ ево посадить въ столбесъ. Ево заклали въ столбесъ и давали черезъ два дня въ третій пишчи, штобы онъ, значитца, не замеръ.

6. Етой стало жалко, ихной дочери; она стала ему понàшивать (днёмъ тамъ, всѣ уйдутъ). Ходила туда ходила, потомъ велѣла здѣлать туда подходъ подъ столбесъ, штобы онъ ночью имѣлъ свободу. Вотъ онъ днёмъ сидитъ, а ночью выходитъ на волю, къ ворожцу во дворесъ. Ну, когда выйдётъ, они попьютъ чайку, и онъ опять ко дню убирается въ столбесъ.

7. Этотъ ворожесъ, привёзъ которой ево, онъ поѣхалъ сватать Елену Прекрасную, въ другое сарство. Когда уѣхалъ, онъ ночью вышолъ [изъ столбца]; чай пили, она ему стала разсказывать: „Вотъ, — говоритъ: — мой братъ уѣхалъ въ другое царство сватать себѣ невѣсту“.—Онъ и говоритъ: „ему живому *оттоль* не пріѣхать! Тамъ,—говоритъ:—кругомъ каменная стѣна, на стѣнѣ тынъ, на етомъ тынý всѐ гóловы человѣчьи сидятъ; на одной тынинкѣ нѣтъ,—тутъ ево голова будётъ“.

Тогда сестрѣ жалко здѣлалось своевó брата. Стала ево просить: „пособи́—говоритъ:—ему!“

8. Онъ на слѣдующчу ночь велѣлъ ей припасти коня, сѣдло, какъ слѣдуётъ всѐ обсѣдлать, и нѣсколько тамъ денёгъ. И вотъ,—онъ вышолъ ночью—она привела ему коня; онъ и поѣхалъ на етомъ конѣ. И достигъ ево доро́гой.

Онъ его сталъ спрашивать: „Куда,—говоритъ:—молодесъ удáлой, ѣдите?“—„Я—говоритъ:—ѣду вотъ въ такое-то царство, сватать—говоритъ:—Елену Прекрасную... А вы,—говоритъ:—куда проѣзжаите?“—„Да я,—говоритъ:—въ тотъ жо городъ ѣду“.—„Дакъ поѣдемьте,—говоритъ:—вмѣстѣ!“—И онѣ стали путь держать вмѣстѣ.

И тогда они одинъ другова стали спрашивать: „Тебя какъ зовутъ?“—„Степаномъ“.—„А васъ, говоритъ, какъ?“—„А меня зовутъ Григорьёмъ“.— Пріѣхали онѣ въ тотъ городъ, въ которой имъ нужно было, и стали на постоялой дворъ; и взяли тутъ особую комнату: „тутъ всѐ-таки жить,—говоритъ:—придётца *дúвно* времени!“

9. Когда ночью легли спать Григорій и Степанъ, то Степанъ обвернулся мухой и полетѣлъ искать, гдѣ на ету Елену Прекрасную шьютъ платье разное. Ну, разузналъ эти платья, гдѣ ихъ шьютъ. Утромъ стаютъ, и говоритъ Григорью: „*Айда*, — говоритъ: — Григорій, иди ко своёй невѣсткѣ! Што,—говоритъ:—тамъ скажутъ?“

Приходитъ онъ къ невѣстѣ. Она ему и говоритъ: „Вотъ вы, — говоритъ: — мнѣ спервоначала сшейте сарафанъ некроёной и нерѣзаной!“ говоритъ.—Онъ пришолъ и говоритъ Степану: „Вотъ, — говоритъ: — Степанъ, она велѣла сшить мнѣ сарафанъ—некроёной и нерѣзаной“.—„Сейчасъ, — говоритъ:—лежись, спи: заутра будётъ всё готово!“

Онъ ночьёй обвернулся мухой и полетѣлъ въ то мѣсто, гдѣ этѣ сарафаны шьютъ. Прилетѣлъ; онѣ и говорятъ: „Ну, — говоритъ: — насилу сшили на её на паршивую!“— „Сшили,“—говоритъ [Степанъ]:—такъ сшейте другой!“ Самъ забираетъ и уходитъ.

„Это што, — говоритъ: — за чудо?“ — „Это, — говоритъ:— не чудо! Чудо будетъ впередѣ, на той недѣлѣ въ середѣ!“— Утромъ стаётъ Григорій; платьё готово; несётъ невѣсткѣ.

10. Невѣстка приняла и говоритъ ему: „Вы,—говоритъ:— ешшо сошейте мнѣ тюфли нерѣзаны и некроёны!“ — Григорій пришолъ, опять закручинился. — „Вотъ, — говоритъ:— она какую работу мнѣ дала!“ — „Это — говоритъ: — ничево! Лежись спать: утромъ всё будётъ готово!“ — Григорій лёкъ спать, а онъ извернулся мухой, полетѣлъ искать, гдѣ этѣ тюфли шьютъ.—„Ну,—говоритъ:—опять насилу сшили на её на паршивую! немóжно,—говоритъ: — утрáфить!“ — Онъ имъ и говоритъ: „Сшили, такъ спасибо! сшейте другіе!“

11. Приноситъ тюфли. И она говоритъ: „вотъ, — говоритъ:—еще работу на тебя налóжу: изладь,—говоритъ:—мнѣ свѣты такіе же, какіе и у меня будутъ!“—Онъ ушолъ домой.—„Лежись спать: утромъ всё будётъ готово!“

„Ну, я, — говоритъ [Степанъ]: — седни улетаю ночью!“— Полеталъ, полеталъ, ничево не могъ найти. И говоритъ: „иди севодни, проси у ней освобожденія на два дня, черезъ два дня строку!“ — Онъ сходилъ. Она и говоритъ: „черезъ два дня если вы не принесёте, то голова на етой тынинѣ будетъ!“

Онъ тогда отправляетца и говоритъ: „Сёднишную ночь нисколько не спи! На вотъ тебѣ!“ Стаканъ воды на́лилъ и въ стаканъ ножъ спусьтилъ. „Только,—говоритъ:—на етомъ ножѣ появится кровь на остріѣ, ты,—говоритъ:—у себя чево-нибудь рѣжь!“

Онъ оввертываетца мухой и ле́титъ прямо къ царевнѣ во дворесъ. Тамъ уже подана тройка лошадей для неё: она ѣхать собрала́сь къ дѣдушку за етими свѣтами, которые ей нужно для свадьбы. Когда же поѣхала, то онъ сѣлъ къ ней на колѣни. Она и говоритъ своёй кухарочкѣ: „што же,—говоритъ:—мнѣ очень тяжело? развѣ я чаю,—говоритъ:—напилась лишка севодни?“ — Онъ перемѣнился, сѣлъ къ кухаркѣ къ етой; и та дорогой стала говорить: „мнѣ тожо,—говоритъ:—чево-то тяжело: навѣрно,—говоритъ:—мы лишка чаю по́пили съ тобой!“

Ѣхали, пріѣзжаютъ къ морю. Морё роздвоилось. Они заходятъ; онъ сидитъ у нихъ подъ платьёмъ, штобы не видать было ево.

12. Когда заходили они къ дѣдушку къ етому, дѣдушко имъ и говоритъ: „у васъ,—говоритъ:—руській духъ есь!“—„Мы,—говоритъ:—по Руси́ ѣзьдили, вотъ отъ насъ и пахнётъ руськимъ духомъ!“

Онъ поставилъ самоварчикъ для нихъ; тѣ стали чай кушать. Когда етотъ чай кушали, онъ возьмётъ, да у невѣстки блю́дко и вышибётъ; оно упадётъ да изломаетца.—„Я,—говоритъ:—дѣдушко, *набъдѝла*: блюдко,—говоритъ:—изломала!“—„Ничево,—говоритъ:—дитя! тамъ,—говоритъ:—ешчо есь!“—Другое блюдко принесли.

Когда чаю покушали, онъ для нихъ приготовилъ обѣдъ. Во время обѣда онъ [дѣдушко] имъ положилъ золотую ложечкю и вилочкю; онъ [Степанъ] ету ложечкю и вилочкю въ карманъ къ себѣ. Она и говоритъ: „Вы,—говоритъ:—дѣдушко, забыли мнѣ поло́жить ложечкю и вилочку!“—„Ну, извините!“

13. Когда отобѣдали, имъ отправляться надо.—„Я,—говоритъ:—дѣдушко, пріѣхала къ тебѣ за золотыми волоска́ми“. (У нево золотая голова вся). „Я просватаюсь“, говоритъ.—„Ну, потереби немного! только,—говоритъ:—легонькё!“—Она по одному волоску теребитъ, а онъ [Степанъ] по два да по четыре захватываетъ. Старикъ етотъ ревётъ:

„больно!“ говоритъ.—И такъ надерьгалъ онъ [Степанъ] цѣлую пачку (она—немного) и въ карманъ положилъ. Ну, когда пошли, онъ [дѣдушко] и говоритъ: „у васъ, — говоритъ:—руськой духъ есь!“

14. Когда изъ мóря стали выходить, у нево [Степана] и показалась нога одна.—Григорій уснулъ; не такъ што на востреѣ, на всёмъ ножѣ уже появилась крофь. — „Ну, — говоритъ [дѣдушко]:—съ вами какой-то человѣкъ былъ! Мнѣ,— говоритъ:—больше съ вами не видатьца!“

Она пріѣхала домой. Онъ [Степанъ] пришолъ ко Григорью: — „*Пощё* жо ты спишь? Сейчасъ намъ обоимъ смерть!.. Ну, — говоритъ: — ничево! быть можемъ изладимъ!.. Давай, — говоритъ: — лежись, спи до утра, а утромъ иди къ невѣстѣ, неси свѣты!“

Онъ [Григорій] когда понёсъ эти цвѣты утромъ, онъ [Степанъ] сѣлъ на коня, изъ гóроду угнáлъ, штобы ево не видно было больше.

Когда [Григорій] пришолъ къ невѣстѣ, пóдалъ эти цвѣты, она и говоритъ: „давайте *звонáйте* во всѣ колокола! всѣхъ, — говоритъ: — въ городѣ смотрите! навѣрно, — говоритъ: — етотъ человѣкъ есь, которой эти цвѣты доступи́лъ! — говоритъ: — Онъ, — говоритъ: — не самъ доступáлъ эти цвѣты!“ — Собрáлся весь народъ, обыскали,—никово не могли найти.

Ну, она и говоритъ: „Ну, сейчасъ, — говоритъ: — я должна за тебя выйти!“—Тогда повѣнчались и поѣхали домой.

15. А тотъ [Степанъ] впередъ ихъ пріѣхалъ, опять сѣлъ въ столбесъ.—Они думали, што онъ [Степанъ] всё времё въ столбцѣ сидѣлъ. — Пріѣхали; живутъ.

Одинъ разъ онъ [Степанъ] ночью вышолъ къ сестрѣ Григорія, какъ разъ сноха тутъ и пришла. Ета Елена Прекрасная и стала говорить: „хто жо меня сюда доступилъ?“ — Онъ и говоритъ ей: „это, — говоритъ: — я доступáлъ!“ говоритъ. — „Развѣ, — говоритъ: — вы?.. Дакъ для чево вы старались, не для себя?“

„Вотъ, — говоритъ [Степанъ]: — первая примѣта: помнишь, какъ вы чай пили — блюдичко сломали?.. Это я самый ево и вышипъ! А вторая, — говоритъ: — предмѣта та: вотъ ваша золотая ложечкя и вилочкя! вы потеряли на обѣдѣ у дѣдушка. А третья предмѣта: вы когда золотые

волоски дерьгали изъ головы, я тогда цѣлую пачку нарва́лъ: извольте посмотрѣть!“

Она и говоритъ: „вы,—говоритъ:—должны моимъ мужомъ быть, а не онъ!“

Тогда она сказала своему Григорью, и онѣ ево изо столбца выпусьтили. И вотъ онъ оввѣнчался съ Настасьей, съ сестрой Григорья.

Живутъ поживаютъ, добра наживаютъ. Я тамъ былъ, мёдъ пилъ—по устамъ текло, въ ротъ не попало.

---

49. [Воръ].

1. Когда я былъ 12-ти лѣтъ, мы ѣзьдили съ отцомъ горшки продавать. Пріѣхали въ одинъ городъ и продали горшки. Отецъ у меня и говоритъ: „давай, бутылочкю выпьёмъ!“—Посылаетъ меня за водкой, далъ мнѣ 50 копеекъ.

Купилъ я водку, иду обратно съ ней. Попадаетца мнѣ купчикъ:—„Ты куда,—говоритъ:—молодецъ?“—„Я,—говоритъ [?]: — пошолъ —кому въ роботники порядицца!“—„Порядись,—говоритъ:—ко мнѣ“.—„А сколько на́ годъ дашь?“—„Да двѣсти рублей,—говоритъ:—дамъ“.—Я ему сказалъ: „я сейчасъ схожу къ отцу, потомъ къ вамъ приду“; спросилъ ево, гдѣ онъ живётъ; онъ мнѣ всё разсказалъ.

Я пришолъ къ отцу. Мы ету бутылку выпили; онъ посылаетъ за другой, далъ мнѣ пятёрку денёгъ.—„Ну, сейчасъ, тятинька! пока до свиданія!“—Пошолъ и прямо къ етому купцу.

2. Пріѣхалъ къ купцу. И живу день, два, три; онъ ничево не заставляетъ работать меня. Потомъ заставляетъ, на четвёрту ночь: „Давай,—говоритъ:—запрегай севодни па́ру ко́ней! поѣдёмъ!“ говоритъ.—Ѣдёмъ доро́гой; онъ и спрашиваетъ: „Чё,—говоритъ:—ты до́ма воровать у ково учился?“—„Учился“.

Отнесъ свою фуражку, бросилъ; потомъ сталъ подкрадыватца. Подкрадывался, подкрадывался, всѣ колѣнки стёръ,—говоритъ; сохваталъ её и въ пазуху.—„Никто,—говоритъ:—не видалъ!“